

**ДЕЛО ПО ЗАХВАТУ «МЕРКАНТЕ АРМЕНО»
КОРСАРОМ ДЕ БУРЛЕМОНОМ**
(из истории борьбы армянского купечества против пиратства)

Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

История захвата торгового судна «Мерканте Армено» («Армянский купец») корсаром Анри д'Англиур де Бурлемоном интересна во многих отношениях. Она дает наглядное представление о международно-правовых средствах, с помощью которых армянские купцы боролись с преступлениями пиратов и пиратствовавших каперов—этим общим бичом того времени.

Судовладельцем «Мерканте Армено» был Антон Погос Челебн из Брусы—«армянин по национальности и христианин по религии». Ему принадлежали две трети судна. Совладельцем оставшейся трети был англичанин Вильгельмо Нуле—республиканец, сторонник Кромвеля. Он же был назначен капитаном корабля. Корабль был загружен в Смирне 23 октября 1649 г. различным товаром, принадлежавшим армянским купцам. Согласно коносаменту сам судовладелец Антон Погос перевозил 303 тюка шерсти и 120 тюков шелка, другому армянскому купцу Ходжа Петросу принадлежали 44 тюка и т. д. По номенклатуре груз был различный, но в основном это были шерсть и шелк, доставленные в порт погрузкой из Персии и предназначенные к выгрузке в Ливорно и во Францию. Общая стоимость его составляла более 1.200.000 ливров¹. 27 ноября недалеко от берегов Франции—в районе острова Эльба караван, в составе которого шел «Мерканте Армено», встретился с военным кораблем «Принцесса Эмилия», вооруженным 60 пушками и имевшим на борту команду в 400 или 500 человек. Его арматором был рыцарь ордена святого Ионна Иерусалимского мессир Анри д'Англиур де Бурлемон. Этот французский корсар, ранее служивший Венецианской республике, имея французское каперское свидетельство, одновременно поступил на службу к Карлу II, сыну английского короля из династии Стюартов. 5 сентября 1649 г. Бурлемону был выдан каперский патент короля Великобритании, который уполномочивал его в качестве командира военного корабля «Принцесса Эмилия» брать, захватывать, арестовывать, а в случае сопротивления пускать ко дну, сжигать и разрушать любые суда и корабли вместе с людьми, имуществом, грузом и товарами, принадлежащими любой подвластной ему местности или его английским подданным, поднявшим против него мятеж или вышедшим из повиновения, а также все суда, корабли, имущество и товары всех тех, кто будет способствовать или оказывать им какую-либо помощь. В тех случаях, когда сопротивление не оказывалось, все корабли, взятые на основании каперского патента, подлежали доставке в подвластные королю порты, в частности на острова Джерси, Силли и другие, где судья адмиралтейства, уполномоченный на это здравствующим королем или его покойным отцом, мог присудить ему законный приз².

¹ Nouvelle mosaïque orientale, Paris, 1923, Appendice IV, p. 236—238.

² Nouvelle mosaïque..., App. VI, n. 249—250.

Имея два—французский и английский—каперских патента, шевалье Бурлемон в сентябре 1649 г. вышел в море на поиск добычи. В караване, с которым встретился корсар, вместе с «Мерканте Армено» шли три других судна. Они следовали под английским флагом³. Под каким флагом шел «Мерканте Армсно», достоверно не известно. Судя по обстоятельствам дела, можно предположить, что армяне использовали англичан в качестве своих пайщиков, чтобы получить в дополнение к оттоманскому английский флаг с тем, чтобы не стать жертвой мальтийских, тосканских и прочих христианских крестоносных пиратов, захватывавших суда и грузы армян в качестве... мусульман!

Очевидно опасаясь, что английские республиканцы окажут сопротивление каперу изгнанного ими короля, Бурлемон предпочел подойти к ним под флагом нейтральной Франции. Потребовав, чтобы купеческие корабли опустили паруса и предъявили ему судовые документы, корсар явно рассчитывал, что английские республиканцы и армянские купцы Оттоманской империи, не опасаясь встречи с военным кораблем Франции, которая придерживалась нейтралитета в событиях в Англии и имела дружественные договорные отношения с Оттоманской империей, подчинятся. Тогда, в зависимости от ситуации, он представил бы либо английский, либо французский каперский патент. Бурлемон считал, что в открытом море в качестве капера-приватира он имеет право на остановку, проверку судовых документов, осмотр и обыск, а в случае неподчинения — на захват и уничтожение любого купеческого судна независимо от национальности.

Из сохранившихся материалов дела хорошо видно, что корсар исходил из законности настойчиво выдвигавшихся Англией претензий на суверенитет над открытым морем: «Эта нация, которая рассматривает себя как владычицу морей, считает, что она не должна уступать кому бы то ни было», — говорил корсар, оправдывая свои действия против армян⁴. В этих словах Бурлемона заключалось все его политическое кредо и его понимание международного права.

Напротив, армянские купцы и судовладельцы, отстаивая свои права и интересы, выступали как поборники свобод открытого моря. Такая позиция армян в данном конфликте отнюдь не была случайной. Армянские купцы и мореходы исторически были поставлены в такие условия, что должны были одними из первых активно выступить против права «собственности» или монопольного господства отдельных держав над морями. И в данном конфликте армяне считали, что купеческие корабли в мирное время, а корабли нейтральных наций даже во время войны свободны от осмотра и обыска. С их точки зрения, поскольку Бурлемон шел под французским флагом, а Франция с государством или государствами флага кораблей в состоянии войны не находилась, французский капер не имел права на остановку, осмотр, обыск и проверку судовых документов торговых кораблей другой национальности. Поэтому, разгадав замысел корсара, связанный с переменой его флага, и считая действия каперского корабля, совершаемые под французским флагом, нарушением принципа свободы открытого моря, купеческие корабли не согласились с его требованием. По словам Бурлемона, они выставили всю свою артиллерию на борт и «дерзко кричали», что требуемые их судовые доку-

³ Там же, App. III, p. 228.

⁴ «... cette Nation, qui s'estiment Roys de la mer, et qui croient ne devoir ceder a qui que ce soit» (там же, App. VII, p. 260).

менты он найдет «на жерлах их пушек»⁵. По версии Бурлемона «упорное сражение длилось четыре часа». Три корабля ушли, а четвертый был взят на абордаж. На борт «Мерканте Армено» было высажено по показаниям Бурлемона—200 человек, по показаниям армян—400. По словам корсара, находящиеся на борту армяне и англичане сопротивлялись до конца. Его люди потеряли около 80 человек убитыми и ранеными. По словам же армян, подтвержденным показаниями свидетелей, их невооруженное купеческое судно не оказало, да и не могло оказать сопротивления военному кораблю с 60 пушками и пятьюстами солдат на борту. Согласно показаниям армян, представленным позднее Государственному совету Франции, после взятия их судна на абордаж люди Бурлемона убили 4 армян, и 3 были брошены за борт. Были и ранены⁶. Сейчас трудно установить, действительно ли купеческое судно оказало такое сопротивление. Как известно, для защиты от пиратов купеческие суда армян либо пользовались защитой конвоя, что было сопряжено с дополнительными расходами и необходимостью приспосабливаться ко времени составления конвоировавшихся караванов, либо полагались на свои вооружения—бортовые пушки. Поэтому возможность такого сопротивления в принципе не исключена. Однако более вероятно, что армяне шли в составе каравана в расчете на его защиту. Судя по всему были вооружены пушками и оказали сопротивление английские корабли, которым удалось уйти от капера, а невооруженный «Мерканте Армено» стал жертвой корсара. Пробоины же, убитые, раненые и выброшенные за борт, вероятно, были результатом нажима в духе времени с целью исторгнуть нужные показания. Не исключено, что все это—результат продуманных действий опытного корсара, который таким образом хотел обеспечить себе доказательства «сопротивления». Так или иначе, корабль был настолько пробит пушечными снарядами, что вода поступала со всех сторон.

Поскольку Бурлемон утверждал, что захватил корабль, состоя на службе английского короля, под его флагом и по его правомочию и на этом основании считал призовое дело подсудным английскому королевскому суду, он должен был доставить судно на британский остров, где находился суд адмиралтейства Англии. Вместо этого, ссылаясь на то, что захваченный корабль мог затонуть, Бурлемон доставил «Мерканте Армено» к французскому острову Св. Маргариты. У Бурлемона могли быть и другие причины для воздержания от посещения о. Джерси. Дело в том, что Кромвель осуществлял контроль над всей Англией. Власть лишенного трона короля в изгнании—Карла II из династии Стюартов признавали лишь в Шотландии, части Ирландии и на островах пролива Ла-Манш. В этих условиях посещение о. Джерси было сопряжено с немалым риском. Так или иначе, в суд адмиралтейства на острове Джерси он послал только протоколы «допроса», составленные в результате насилия. Бурлемон просил английский суд адмиралтейства признать приз «законным на том основании, что «названный корабль принадлежал англичанам», что «капитан этого корабля и члены его экипажа были англичанами из той части подданных Его британского величества, которые восстали и являются его открытыми врагами» и что перевозимые на нем «товары принадлежат лондонским купцам если не полностью, то по крайней мере в самой большей своей части»⁷.

⁵ Там же, App. I, p. 172.

⁶ Там же, с. 182.

⁷ Там же, с. 177.

В то время на острове находился и сам английский король. Лишенному почти всех своих владений и жившему на вспомоществования испанского короля Карлу II ценный армянский приз был весьма кстати. Английское адмиралтейство не преминуло, конечно, воспользоваться представившимся случаем. Для королевского призового суда, исходившего из того, что Бурлемон захватил приз, состоя на службе английского короля и по его правомочию, проблем международно-правового характера не было; республиканцы—враги короля и их имущество подлежит захвату. Не принималось во внимание то обстоятельство, что груз принадлежал армянским купцам, а само судно принадлежало им на две трети: в Англии издавна считали «законным призом» как неприятельский груз на нейтральном или дружественном судне, так и нейтральный или дружественный груз на неприятельском судне.

На основании документов, сфабрикованных корсаром, 8 января 1650 г. призовой суд на о. Джерси вынес решение, обязавшее армянское судно и находящиеся на его борту товары, как принадлежащие мятежным подданным короля и лицам, оказывающим им помощь, законным призом, которым капер мог распоряжаться по своему усмотрению, уплатив казне установленные сборы, составлявшие по английским законам десятую и пятнадцатую части⁸.

Армяне не согласились с решением, вынесенным в английском суде адмиралтейства, не только по существу дела. Они оспорили прежде всего его юрисдикцию, утверждая, что данное призовое дело подсудно исключительно адмиралтейскому суду Франции. Подал 30 января 1650 г. жалобу против захвата своего корабля суду французского адмиралтейства в Тулоне, они возбудили дело о непризнании приза, присужденного в Англии, и о новом призовом производстве. Ими был представлен тщательно подготовленный и обоснованный иск с приложением соответствующих документов. Свою позицию по вопросу о подсудности дела французскому суду адмиралтейства армянские купцы строили на стройной системе аргументов, основанных на подтверждаемых фактах и на праве — французском или международном. Содержание их искового заявления, в изложении самого Бурлемона, основывалось на следующих основных положениях:

1. Решение, вынесенное 5 января 1650 г. королем Великобритании или его должностными лицами на острове Джерси, необосновано и неправомерно. Король Великобритании не обладал юрисдикцией для вынесения судебного решения по данному призовому делу.

2. Бурлемон, как подданный французского короля, обладавший к тому же французским каперским патентом, не имел права на принятие каперского патента от английского короля. Поступив на службу английского короля, он нарушил прямые запреты участвовать во внутренней борьбе в Англии на стороне ее короля или республиканцев Кромвеля, которые содержались в ордонасах французского короля от 7 сентября 1649 г. и 1 февраля 1650 г. Представив суду тексты этих ордонасов, армяне указывали, что они в четкой и категорической форме предписывали подданным французского короля воздерживаться именно от таких действий, которые привели к захвату армянского судна.

3. При захвате «Мерканте Армено» Бурлемон имел каперский патент королевы Франции (очевидно — Анны Австрийской; матери и регентши несовершеннолетнего Людовика XIV), действовал под фран-

⁸ Там же, с. 173—174; VI, с. 250—251.

цузским флагом и привел захваченное судно во французский порт. Следовательно, Бурлемон взял приз в качестве французского капера и поэтому за свои действия, совершенные в открытом море, он должен отчитаться перед французским королем, а вынесение судебного решения по этому делу входит в компетенцию французского, а не английского призового суда.

Понимая, что признание подсудности дела французскому адмиралтейству юридически предreshало его исход в пользу армян, Бурлемон всеми силами сопротивлялся новому призовому производству во Франции. Он представлял доводы армян как «парадокс, который можно простить таким варварам, как они, но не тем, кто знает, что согласно международному праву, обычаю и практике всех государств, тот, кто поступает на службу к иностранному государю и воюет под его властью, ставит себя под его юрисдикцию и признает свою подсудность ему». Выдвигая этот свой тезис, Бурлемон, конечно, понимал, что он мог бы рассчитывать на успех, если бы доказал не только правомерность получения английского каперского патента, но и то, что он при взятии приза действовал только под английским флагом и только на основании английского королевского патента. Поэтому на выдвигавшийся армянами довод, что Бурлемон не мог одновременно служить двум королям, он заявил, что принял приглашение короля Великобритании вооружиться для службы, «считая, что если ему было позволено служить Венецианской республике против Великого сеньора (т. е. турецкого султана), с которым Франция была в союзе, не будет сочтено дурным, если он вооружится для законного короля, родственника и союзника своего короля, против англичан-парламентариев, открытых противников королевства и монархии, с которыми Франция до этого не имела никакого союза или конфедерации»⁹. Бурлемон, жалуясь, что армяне «хотят, чтобы названный господин де Бурлемон отчитался во Франции в том, что совершил в море на службе Его британского величества», он утверждал, что довод армян о неправомерности получения им английского каперского патента «наносит удар по союзу, существующему между двумя коронами, ибо поскольку между Францией и Англией заключен договор, оба королевства обязаны оказывать взаимную помощь»¹⁰. На самом же деле армяне основывали свою позицию на том, что в данном случае речь шла не о международной войне, как пытался представить это Бурлемон, а о внутренней—гражданской войне между королем Англии и республиканцами Кромвеля, в которой Бурлемон, как подданный короля Франции, должен был соблюдать нейтралитет¹¹. Французский король, запретив поступать на службу английского короля, не отказался от своей юрисдикции над действиями своего подданного, совершенными в открытом море. Поскольку же Бурлемон обладал французским каперским патентом, взял приз под французским флагом и привел захваченное судно во французский порт, призовое дело подсудно только французскому адмиралтейскому суду.

Не будучи в состоянии опровергнуть тот бесспорный факт, что принимая каперский патент английского короля, он тем самым нарушал прямой запрет своего государя служить английскому королю и, следовательно, признавать его юрисдикцию, Бурлемон прибег к

⁹ Там же, App. I, p. 151.

¹⁰ Там же, App. II, p. 209—210, 211—212.

¹¹ Там же, p. 212.

наквной уловке, заявив, что о существовании ордонанса от 7 сентября 1649 г. он не знал, а ордонанс 1 февраля 1650 г. был опубликован уже после взятия приза и, следовательно, обратной силы не имел. Это не спасало положения, ибо, во-первых, было указано, что ордонансы были расклеены во всех портах и портовых городах и не знать о них Бурлемон просто не мог. Во-вторых, было очевидно, что незнание закона не освобождает от необходимости его соблюдения. Наконец, что касается второго ордонанса, о существовании которого он по его же признанию знал, его действие распространялось на все незавершенные производством к тому времени призовые дела. Из этого следовало, что как минимум захваченные судно и груз подлежали возвращению.

Даже если бы Бурлемону удалось доказать свою правоту в вопросе о правомерности получения и пользования каперским патентом английского короля, ему нужно было бы еще и обосновать законность применения полученных каперских правомочий тем, что корабль и его груз принадлежали врагам короны. Поэтому во французском суде, так же, как и в английском, он стремился игнорировать то обстоятельство, что согласно судовым документам англичанам принадлежала только одна треть судна и очень небольшая часть перевозимого на нем груза. Он утверждал, что англичанам—сторонникам Кромвеля принадлежали весь корабль и весь его груз, а армяне якобы были всего лишь подставными лицами, которые «дали свое имя» республиканцам. По его словам, английские республиканцы «составили компанию под видом армян с целью потребовать, как это делают сегодня, весь товар, находившийся на взятом судне»¹².

Для обоснования своих утверждений изобретательный шевалье разработал свою систему нигилистических доводов, направленных, с одной стороны, на отрицание армянских связей, а с другой—на доказательство наличия английских, республиканских связей корабля и его груза. В качестве доказательства, что корабль «Мерканте Армено» не принадлежал армянину Погосу и что это «очередное плутовство этих левантинцев» Бурлемон ссылается на «так называемые коносменты, которые представили армяне». Он усматривает противоречие в том, что «названный Погос должен платить фрахтовую сумму за перевозку груза, который, как утверждают, был погружен им, в то время как судовладелец отнюдь не должен платить за фрахтование, ибо он платил бы самому себе вопреки правовой аксиоме, гласящей, что „nemo sibi debitor esse potest“ и поэтому никак не возможно, чтобы названное судно принадлежало бы упомянутому Погосу»¹³. Бурлемон попытался также сыграть на том, что имя судовладельца и владельца большей части груза армянского негоцианта Антона Погоса Челеби фигурировало в документах в полном и в кратком вариантах. На этом основании корсар хотел уличить армян в противоречии и обмане¹⁴.

По словам Бурлемона, армяне не только не были, но даже не могли быть владельцами ни судна, ни его груза, ни полностью, ни частично, ибо жили далеко от моря: «Правда, что означенные армяне хотели убедить, что упомянутый корабль принадлежал Антону Погосу из города Бурса в Вифинии, но так как они не смогли представить никаких доказательств, ясно, что никогда нельзя предположить, что

¹² Там же, с. 190—194.

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, с. 189.

лицо такого положения и из страны, из которой Погос, которая расположена в четырехстах или пятистах лье от моря, купило бы корабль, чтобы совершить плавание в Ливорно»¹⁵.

Трудно сказать, обязано ли это географическое ухищрение, с помощью которого Бурлемон расположил приморскую Бурсу так далеко от моря, его невежеству или он преднамеренно вводил в заблуждение судей. Цель, однако, была очевидна. Огульно отрицая принадлежность судна и его груза армянам, Бурлемон расчищал почву для утверждения своей версии об англичанах-республиканцах как подлинные владельцы судна и его груза.

В качестве же доказательства принадлежности судна англичанам Бурлемоном выдвигался тезис, что национальность судна, даже торгового, определяется национальностью его капитана: «следует всегда исходить из того, что поскольку вышеназванный Нулс был капитаном корабля, он был и его собственником»¹⁶. Ссылаясь на судовую книгу, Бурлемон утверждал, что большое количество товаров было погружено на имя капитана Нулса и английских купцов Фоука и Эдварда. В связи с содержащимися в той же книге записями о погрузке представителем Антона Погоса Винченцо Кастелли большой партии шелка и шерсти, Бурлемон утверждал, что поскольку товар был адресован английскому купцу Дж. Коллеру, он должен рассматриваться как собственность «того, кто его должен получить». Исходя из этого, судно и весь его груз, независимо от того, кто претендует на права собственности, должны рассматриваться как принадлежавшие англичанам, а поскольку эти англичане подняли мятеж против своего суверена, то их судно и находившийся на нем груз должны рассматриваться как «вражеские» и подпадающие под действие каперского патента, выданного ему английским королем.

Свои ссылки на английские законы и английскую практику Бурлемон обосновывает тем, что он является «носителем патента короля Великобритании», что взятый им в приз корабль—английский, и самая большая часть груза принадлежит лондонским купцам. Отсюда вывод: «следовательно, справедливо, чтобы судебная оценка приза происходила по законам государя, под флагом и полномочиями которого осуществлен этот приз»¹⁷. Основываясь на таком произвольном обращении с фактами и на таком реакционном толковании норм международного морского права, Бурлемон обвинял в его нарушении армян, требовавших возврата захваченного у них корабля и его груза: «пересмотреть взятый им приз можно только опровергнув и уничтожив право народов, права суверенов и все морские законы»—утверждал Бурлемон¹⁸.

Как ни привлекательна была версия о принадлежности судна и груза английским мятежникам и цареубийцам, Бурлемон не мог не понимать, что при объективном судебном разбирательстве ему не удастся подкрепить тезис об их принадлежности англичанам. Поэтому в числе трех «соображений, по которым приз, о котором идет речь, не может никоим образом быть у него оспорен», на первое место он ставил не национальность судовладельца и груза. «Первое

¹⁵ Там же, с. 188.

¹⁶ Там же, с. 189.

¹⁷ Там же, с. 185.

¹⁸ Там же, с. 171.

соображение,—писал он,—состоит в том, что корабль, на котором был груз, который сегодня требует горюеть, отказался опустить свои паруса и предъявить свой паспорт и другие судовые документы по приказу, данному от имени короля Великобритании и что в результате этого отказа он вступил в бой и был взят силой сиром шевалье де Бурлемоном»¹⁹. Обосновывая право военного корабля захватывать преследуемые суда любой национальности только на том основании, что было оказано сопротивление, Бурлемон утверждал: «Морские законы категоричны в этом, и можно сказать, что нет такой суверенной власти в Европе, которая не использовала и не использует это право против кого бы то ни было во время войны»²⁰.

В подтверждение того, что военный корабль имеет право досмотра и приза, а в случае сопротивления—уничтожения, независимо от того, принадлежит ли судно и груз неприятелям или друзьям государства капера, Бурлемон ссылаясь на авторитет известного противника свобод открытого моря—Дж. Сельдена, чьи взгляды он полностью разделял. В подкрепление своего тезиса о законности захвата в открытом море торговых кораблей независимо от их национальности Бурлемон указывал на государственную политику Англии. Сообщая, что англичане первыми ввели это «правило» при Иоанне Безземельном, Бурлемон цитирует соответствующие королевские распоряжения, ссылается на их договорную практику—Саутхемптонский договор 1625 г. с Республикой Соединенных провинций, Сен-жерменский договор 1632 г. с Францией. Ссылаясь на ординансы французских королей Франциска I и Генриха III, практику Ганзейских городов и др., он утверждал, что «английские законы не расходятся с законами всех других государств. Напротив, нет ни одного государя или государства, которые... не применяли бы такие законы ранее и которые не применяют их в настоящее время»²¹.

Распространяя свою концепцию международного права на конкретную ситуацию с «Мерканте Армено», Бурлемон делает вывод: «Отсюда следует, что даже если бы взятый корабль вовсе не был английским, его капитан и экипаж вовсе не принадлежали к этой нации и товар на самом деле принадлежал не лондонским купцам, а тем, кто сегодня на них претендует и называет себя армянами, все равно было бы невозможно жаловаться на решение, вынесенное королем Великобритании в своем адмиралтействе острова Джерси, ибо король, приказав объявить все законным призом и присудить названному сирю де Бурлемону, которому было оказано сопротивление, не приказал сделать ничего такого, что не соответствует вышеуказанному ординансу, разве что им не были наказаны бунт и неподчинение взятых на корабле лиц»²².

Эту мысль Бурлемон внедряет настойчиво, повторяя вновь и вновь, что приз должен считаться законным, даже если судно и его груз принадлежали бы армянам: «Поскольку все нации и все государства Европы установили при общем содействии и с общего согласия эту норму права, не следует удивляться тому, что она была применена по отношению к тем, кто представляет себя армянами, ибо они находились на захваченном корабле и сражались также, как и другие... Армяне, как и все другие нации, вовсе не изъяты из-под

¹⁹ Там же, с. 177.

²⁰ Там же, с. 182.

²¹ Там же, с. 185.

²² Там же, с. 184.

действия морского права и... когда они встречаются на судне, которое отказывается опустить паруса, и вступают в бой, их имущество становится таким же законным призом, как и имущество всех других...»²³.

Представляя решение английского адмиралтейского суда законным и окончательным, Бурлемон сперва отвергал всякую возможность его отмены и повторного рассмотрения дела во французском адмиралтейском суде: «суверены должны взаимно уважать судебные решения, вынесенные союзными им королями или их должностными лицами, особенно в том, что касается поддержания их суверенной власти или исполнения их ордонансов»²⁴.

Когда же стало очевидно, что рассмотрения дела во французском суде не избежать, Бурлемон попытался свести все к простому подтверждению решения английского суда. Он безапелляционно утверждал, что «однажды вынесенное судебное решение должно отвергнуть все ложные представления, которыми хотя бы доказать противное». С напускным оптимизмом Бурлемон выражал «уверенность», что достаточно «противопоставить решение, вынесенное в его пользу в адмиралтействе его Британского величества на острове Джерси, чтобы оправдаться от всех клеветнических утверждений, публикуемых этими обманщиками»²⁵.

Ссылаясь все время на международное право, становясь в позу ментора, поучающего «варваров» нормам поведения, корсар сам не очень-то верил в силу своих аргументов. Бурлемон не скрывал, что главную свою ставку он делал на политическую солидарность двух королей против мятежных подданных. Обращение к ним в качестве политического средства давления на правосудие было прямо и непосредственно связано с реально существовавшей во Франции ситуацией: начавшимся там общественно-политическим движением — Фрондой (1648—1653 гг.), с которой по времени почти полностью совпало дело по захвату армянского судна. Оппозиция парижского парламента королевскому правительству переросла в вооруженное восстание в столице, поддержанное рядом провинций юга страны. Возглавлявший борьбу с Фрондой первый министр кардинал Мазарини и состоявшая в тайном браке с ним мать несовершеннолетнего короля Людовика XIV регентша Анна Австрийская должны были даже вывезти короля из Парижа.

Подменяя международно-правовые аргументы политическими рассуждениями и призывами к солидарности, Бурлемон рассчитывал на понимание, сочувствие и помощь роялистов в самой Франции. Но корсар просчитался в оценке политики Мазарини, который стремился к укреплению абсолютизма внутри страны и политической гегемонии Франции в Европе. Добиваясь осуществления своих внешнеполитических целей, Мазарини проводил политику нейтралитета во внутренней борьбе в Англии. Бурлемон же строил свою защиту на отрицании нейтралитета Франции. Поэтому он, заявляя, что французский король должен поддержать действия находящегося в «тесном союзе» английского короля и «одобрить все, что было совершено по его приказам и повелению», призывает отказаться «от той постыдной услужливости, которая проявляется Францией к восставшим подданным, поголовно обогранным кровью мерзкого царубийства». Стремясь

²³ Там же, с. 187.

²⁴ Там же, с. 170.

²⁵ Там же, с. 170—171.

опорочить или уменьшить значение самих ордонансов о нейтралитете Франции, Бурлемон утверждал, что содержащиеся в них «запреты были установлены только в результате назойливости английских парламентариев, без какого бы то ни было намерения их исполнить». Этот «конфликт является общим для всех королей» и в нем «каждый должен быть солдатом», так как дело касается «поддержания и сохранения королевства—единственного основания спокойствия и блаженства народов». Требуя, чтобы его пиратские действия рассматривались как часть этого «богоугодного дела» борьбы с мятежниками, Бурлемон недвусмысленно давал понять, что рассчитывает на понимание французского королевского суда, на не слишком строгое применение к нему норм права²⁶.

Оправдалась ли роялистская ставка Бурлемона? Не трудно предположить, что шевалье должен был пользоваться сочувствием роялистов. Вместе с тем весь последующий ход дела показывает, что хотя этот фактор оказывал определенное воздействие на французское правосудие—на королевский суд адмиралтейства и на королевский Государственный совет, он тем не менее не был решающим. Объясняется это рядом обстоятельств как объективного, так и субъективного характера.

Доказав, что две трети судна и большая часть груза принадлежали им, а не сторонникам Кромвеля, армяне тем самым политически нейтрализовали роялистских покровителей корсара. С другой стороны, события, развертывавшиеся во Франции параллельно с развитием дела Бурлемона, объективно складывавшаяся расстановка сил путали карты корсара. Мазарини руководствовался не абстрактными роялистскими чувствами, а сугубо прагматическими соображениями как во внешней, так и во внутренней политике. Подавляя Фронду внутри страны, в которую была вовлечена и феодальная знать («заговор Важных»), он ориентировался скорее на Кромвеля, чем на английского короля. Его политика нейтралитета во внутреннем конфликте в Англии, с самого начала благожелательная по отношению к Кромвелю, отнюдь не случайно уже в 1655 году, т. е. через три года после вынесения последнего постановления Государственного совета по этому делу, привела к заключению мирного и торгового договоров с Англией Кромвеля, а в 1657 г.—даже к военному союзу с ней.

Армяне конечно были хорошо осведомлены о политическом положении в стране, о политике Мазарини—как внешней, так и экономической. Это, конечно, немало помогало им в тяжелой судебной тяжбе с влиятельным корсаром. Просчитался Бурлемон и в оценке способности армянских купцов защищать свои интересы на основе международного права, а это было важное, если не основное обстоятельство, принесшее им успех.

Вся защита Бурлемона, все его аргументы были основаны, с одной стороны, на искажении базисных фактов преюдициального значения, т. е. таких фактов, с установлением которых были связаны определенные правовые последствия (национальность судовладельца и собственников перевозимого груза, под чьим флагом и на основании чьего каперского патента был взят приз и т. д.), а с другой—на консервативной, можно сказать—отживавшей свой век интерпретации норм международного морского права, исходившей из возможности присвоения морей и океанов с помощью силы.

²⁶ Там же, с. 170—171; II, с. 212—213.

Вопреки утверждениям Бурлемона, армянские купцы-владельцы захваченного им судна и его груза не только не добивались для себя каких-то исключений из действия международного права, но, напротив, настаивали на строгом и неукоснительном его соблюдении. Срывая попытки Бурлемона поставить международное право на службу культу силы и бесправия в открытом море, армянские купцы добивались решения дела в полном соответствии с нормами международного права, толковавшимися ими в духе прогрессивного развития. И по существу дела, и с точки зрения правовой техники их позиции были хорошо обоснованы. Их юридическая позиция в вопросе об определении вражеского характера приза и правах нейтральных купцов в открытом море, их отношение к вопросу о внутреннем конфликте между английским королем и республиканцами Кромвеля отличались глубокой аргументацией, тонкой нюансированностью.

Армянские купцы настойчиво проводили идею, что отношения между республиканцами во главе с Кромвелем и английским королем—внутренний вопрос этой страны, в который третьи государства не должны вмешиваться. Опираясь на политику нейтралитета, официально провозглашенную Францией в этом вопросе, они настаивали на соблюдении соответствующих ее законов. Армяне подчеркивали, что политика нейтралитета Франции неизбежно влекла правовые последствия и для Бурлемона, как подданного французского короля. Ссылаясь на французское подданство Бурлемона и на то, что он уже состоял на службе французского короля в качестве его приватира—капера, армяне доказывали, что он не мог и не должен был нарушать нейтралитет Франции, что он не мог и не должен был принимать каперские полномочия от английского короля. Приняв каперский патент английского короля, Бурлемон не только игнорировал прямой запрет своего суверена не поступать на службу какой-либо из сторон, но грубо нарушил нейтралитет самой Франции.

Поскольку с точки зрения французского права принятие каперского патента английского короля было незаконным, то все его действия в открытом море должны расцениваться с точки зрения французского каперского патента, обладателем которого он был. В подтверждение этого армянские купцы указывали на то, что Бурлемон взял приз под французским флагом и доставил захваченное судно и его груз во французский порт. Делая основной упор на международно-правовую оценку захвата их судна, армяне уделили должное внимание подтверждению фактических обстоятельств этого конкретного случая соответствующими документами и свидетельскими показаниями.

В этих условиях вопрос о флаге, под которым был совершен захват, стал одним из ключевых вопросов судебного разбирательства. В качестве доказательства истинности своих утверждений, что приз был осуществлен под английским флагом, Бурлемон утверждал, что ему не было бы смысла скрывать использование французского флага, ибо «пользование ложным флагом, чтобы заставить противника врасплох», дозволено как по национальному французскому праву, так и по международному²⁷.

(Продолжение следует)

²⁷ Там же, App. II, p. 217; III, p. 230.